

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА ОТ АРИСТОТЕЛЯ ДО ГОББСА

Аннотация. В статье рассмотрено формирование политической теории социального протеста: как рождается социальный протест в своих радикальных формах при различных политических системах, какова его политическая направленность, причины возникновения, последствия и условия предотвращения, – у четырех авторов, заложивших основы этой теории: Аристотеля, Макиавелли, Бэкона и Гоббса.

Ключевые слова: социальный протест, Аристотель, Макиавелли, Бэкон, Гоббс.

E.E. Shults, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

POLITICAL THEORY OF SOCIAL PROTEST: FROM ARISTOTEL TO HOBBS

Abstract. In the article the formation of the political theory of a social protest is considered: as the social protest in the radical forms is born at various political systems, what its political orientation, the reasons of emergence, a consequence and a prevention condition, – at four authors who have laid the foundation of this theory: Aristotle, Machiavelli, Bacon and Hobbes.

Keywords: social protest, Aristotel, Machiavelli, Bacon, Hobbs.

На протяжении длительного времени прослеживается тематическое единство и сходство подходов от Аристотеля, через Макиавелли, к Бэкону и Гоббсу: исследование темы государственного устройства и бунта граждан против власти и государства с изучением причин, последствий и механизмов этого социального явления, – которые можно объединить общим условным названием как политическая теория социального протеста. Данная тема в таком ракурсе не подвергалась специальному исследованию и представляет значительный интерес в исследовании проблем социального протеста в его радикальных формах, начиная массовыми демонстрациями и заканчивая революциями в государствах.

Задача изучения радикальных форм социального протеста сквозь призму государственного устройства и политической стабильности была впервые поставлена еще древнегреческим философом Аристотелем. Фактически, Аристотель заложил основу того, что можно считать политической теорией бунта, т.е. как рождается социальный протест при различных политических системах, какова его политическая направленность, причины возникновения и последствия. В своем знаменитом трактате «Политика» Аристотель ставил задачи «рассмотреть источники возмущений и государственных переворотов ... исследовать вопрос об их первопричинах вообще [2, с. 529]. Таких первопричин, которые требуют изучения, Аристотель называет три: 1) настроение людей, поднимающих мятеж; 2) ради чего устраивается мятеж; 3) «с чего, собственно, начинаются политические смуты и междоусобные распри» [2, с. 529].

Аристотель рассматривает государственные перевороты как неотъемлемую часть бунта – «восстания» против действующей власти [2, с. 527]. Государственные перевороты, настаивал Аристотель, производятся либо путем насилия, либо обмана, причем к насилию прибегают или непосредственно с самого начала, или применяя принуждение по прошествии некоторого времени. И обман бывает двоякого рода. Иногда, обманув народ, производят переворот с его согласия, а затем, по прошествии некоторого времени, насильственным путем захватывают

власть, уже против воли народа [2, с. 535].

Аристотель первым, по сохранившимся источникам, задался вопросом: «Почему люди бунтуют?». Граждане поднимают мятеж, считал Аристотель, когда не получают своей доли в государственном управлении [2, с. 527]: «Одни, начиная распри, стремятся к равноправию, основываясь на том, что они, по их мнению, обделены правами...»; «другие, напротив, стремятся к неравенству и превосходству, вступают в распри в том случае, когда, по их убеждению, они, будучи неравны с остальными, не пользуются сравнительно с ними какими-либо преимуществами» [2, с. 529]. При этом реальное состояние дел не имеет значения [2, с. 529]. «Кроме того, люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях». Аристотель считает, что «толпа затевает распри из-за имущественного неравенства, а люди образованные – из-за почестей» [2, с. 421].

Таким образом, определяющую роль в причинах возмущений играют чувство несправедливости, а также определенный социальный «перекос» – сильное превосходство одних над другими, когда «кто-либо – один или несколько – будет выдаваться своим могуществом в большей степени, нежели это совместимо с характером государства и властью правительства» [2, с. 530]. Важный вывод, к которому приходит философ: «Внутренние распри возникают не по причине мелочей, но из мелочей; распри поднимаются всегда по поводу дел важных» [2, с. 533].

При рассмотрении проблем социального протеста Аристотель указывает, что не следует основываться только на примерах государств с однородным населением, потому что «разноплеменность населения, пока она не сгладится, также служит источником неурядиц ... Поэтому в большей части случаев те, кто принял к себе чужих при основании государства или позднее, испытали внутренние распри» [2, с. 532].

При разборе причин бунта Аристотель призывает искать их корни в психологии и потребностях людей. Согласно Аристотелю, две самых главных потребности человека – это пища и воспроизведение [1, с. 401]. (Этот постулат мы обнаружим в 20-х гг. XX в. у Питирима Сорокина и во второй половине XX в. в «иерархии потребностей Маслоу»). Это основные требования людей, ущемление которых приводит к недовольству и ответной реакции. К ним добавляется еще семь «причин и поводов движений души», как называет их Аристотель. «Стремление получить прибыль и почет ведет к взаимному раздражению людей не потому, что они желают приобрести их, как сказано ранее, для самих себя, но потому, что они видят как другие – одни справедливо, другие несправедливо – в большей степени пользуются этими благами. Причиной распрей бывают также наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное возвышение; с другой стороны – происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров» [2, с. 530].

После разбора причин и поводов бунтов (возмущений), их целей и вариантов, Аристотель дает рекомендации, как сохранить существующий строй. Среди этих рекомендаций выделим две, на наш взгляд, самые важные: 1) «...те, кто печется о сохранении государственного строя, должны возбуждать у граждан разные опасения, чтобы те охраняли государственный строй и не разрушали его...» [2, с. 545]; 2) «законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб» [2, с. 628]. «А так как государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех нужно единое и одинаковое воспитание, и забота об этом воспитании должна быть общим, а не частным делом... Не следует, кроме того, думать, будто каждый гражданин сам по себе; нет, все граждане принадлежат государству, потому что каждый из них является частицей государства. И забота о каждой частице, естественно, должна иметь в виду попечение о целом» [2, с. 628].

Основа бунта – это простой народ, поэтому важны методы и принципы управления сво-

им народом. Во-первых, дает совет Аристотель, воздерживаться от всякого рода насильственных действий, в особенности избегать насилий физических и насилий по отношению к молодежи [2, с. 564]. Во-вторых, «существует пять видов ухищрений, – считает Аристотель, – посредством которых в государственном управлении считают возможным добиться расположения простого народа. Они относятся к области устройства народного собрания, должностей, судебных установлений, войска и гимнастических упражнений» [2, с. 512]. Если перевести эти рекомендации на современный язык, то речь идет об участии в политике и управлении государством, справедливости законов и их исполнения, принципах формирования войска и иных силовых структур в государстве, занятости населения, в том числе с точки зрения развлечений и досуга.

Таким образом, мы можем констатировать, что уже в IV в. до н.э., благодаря Аристотелю, сформировались теоретические представления о возникновении социального протеста, его причинах, направленности и путях предотвращения его самых нежелательных форм для сохранения стабильности власти и государства. После «Политики» Аристотеля исследовательская мысль о бунтах и общественных смутах надолго затихла. Средневековых мыслителей больше привлекали вопросы богословия, схоластики и морали, интерес к политике и изучению общества возобновился только через 17 веков после Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), и этот интерес был связан с именем итальянского политика и писателя Никколо Макиавелли (1469–1527).

Макиавелли рассматривал бунт как противоположность порядку – состоянию, которое называется правильным правлением. Он не изучает бунт (его внимание уделено больше заговорам и дипломатии), хотя не может обойти его стороной, рассматривая его как наказание правителям при ненадлежащей политике. С точки зрения итальянского мыслителя, основой «власти во всех государствах – как унаследованных, так смешанных и новых – служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы...» [9, с. 44]. В начале XX века другой итальянец – социолог Вильфредо Парето – перефразировал эту идею в постулат о том, «что всякое правление покоится на согласии и силе» [10, с. 140].

Макиавелли первым рассмотрел психологию толпы с точки зрения бунта. Во-первых, итальянский мыслитель обратил внимание на особенность, которую необходимо использовать правителям: народ «легко поддается на заманчивые призывы и великие обещания», видимостью блага его можно повести за собой даже навстречу гибели» [9, с. 213]. Во-вторых, он оставил предсказание, опередившее века и описавшее фактически события Английской, Французской и Русской революций: «Когда народ вышел из повиновения, то это его безумство не столь страшно, и сегодняшнее зло не так пугает, как возможные последствия, потому что такие смуты рождают тиранов» [9, с. 229]. В-третьих, Макиавелли оставил характеристики поведения толпы, которые, как и предыдущие его выводы, были использованы французским мыслителем Гюставом Лебоном в знаменитой «Психологии толпы» [8], а через это произведение – и всеми теми авторами, кто хоть в какой-либо степени касался этих вопросов или связанных с ними.

Люди, храбрые в толпе и чувствующие свою силу, по одиночке становятся трусливы и слабы. Неизбежность наказания выступает сдерживающим фактором (но для осуществления этого наказания правителю необходимо обладать достаточной силой) [9, с. 223]. Социальный протест без лидера Макиавелли называет не опасным, а страшиться правителям необходимо тогда лишь, когда есть кому возглавить движение [9, с. 224]. Самой сильной движущей силой народного недовольства Макиавелли называет утрату людьми свободы или любви к государю [9, с. 224].

Таким образом, тема социального протеста, как таковая, интересовала Макиавелли лишь опосредовано и не была для него отдельным предметом исследования, однако он оста-

вил свой след в «политической теории социального протеста» и спровоцировал интерес других исследователей к этой проблеме.

Произведения Макиавелли были опубликованы в начале 30-х гг. XVI века и в течение всего этого века, несмотря на запрет, наложенный католической церковью в 1559 году, претерпели множество переизданий на латыни и национальных языках в Италии, Франции, Нидерландах, Англии и Германии, оказав влияние на большинство философов Европы XVI-XVIII веков [5, с. 277, 284; 12, р. 14], в первую очередь, – на Фрэнсиса Бэкона.

Английского философа и политического деятеля Фрэнсиса Бэкона (1561-1626) называют мыслителем переходной эпохи: то ли он принадлежит к запоздалому эху «ренессансного «Искусства истории» (*Ars historica*)» (тогда он выглядит лишь подражателем великих итальянцев – Макиавелли и Гвиччардини), то ли с него следует отсчитывать «историческую революцию» XVI – начала XVII вв. [3, с. 222–223]. Что касается темы бунта и его самой масштабной формы – революции, то здесь можно сказать уверенно, что Бэкон открывает «Новое время» и как понятие исторического этапа, и с точки зрения развития политологии и социальных наук.

Все мятежи похожи друг на друга «и не более отличаются друг от друга, чем брат от сестры, мужской пол от женского», – писал Бэкон в начале XVII в. [4, с. 381]. Предвестниками смуты становятся «пасквили и крамольные речи», «а также ложные слухи», порочащие правительство: «когда они возникают часто и охотно подхватываются» – жди мятежа [4, с. 381]. Одни и те же слухи и крамольные речи повторяются с каждым мятежом. [4, с. 381]. «Обсуждения, отговорки и придирки к распоряжениям властей – все это уже попытки стряхнуть ярмо и упражнения в неподчинении...» [4, с. 381]. Самая большая ошибка любого правителя – «судить об опасности недовольства по тому, насколько оно справедливо». Справедливость требований и действий (с позиции и воззрений правящих властей) не имеют отношения к бунту и его силе [4, с. 382].

Пристального внимания, по мнению Бэкона, заслуживают материальные причины для мятежей – «ведь когда горячий материал налицо, можно отовсюду ждать искры, которая воспламенит его» [4, с. 382]. «Причины же, коими вызываются мятежи, – утверждает Бэкон, – бывают двойные: великий голод и великое недовольство. Можно сказать, наверное: сколько в государстве разоренных, столько готовых мятежников» [4, с. 382]. Полбеда, если разорение терпит только знать, но если к этому «прибавляется обнищание простого народа, опасность становится велика и неминуема, ибо мятежи, вызываемые брюхом, есть наихудшие» [4, с. 382]. Когда недовольство охватывает только знать или простой народ, опасность еще не велика, считал Бэкон. «Опасность тогда велика, когда знать только и ждет смуты в народе, чтобы тотчас выступить самой» [4, с. 384].

Бэкон предлагает действенные средства борьбы с бунтом, среди которых превалируют превентивные меры. Самое главное – «государям всего надежнее заручиться расположением простого народа» [4, с. 384]. Главным здесь и «вернейшим средством предотвращения мятежа (если времена это позволяют) является именно устранение его материальной причины» [4, с. 382]. Если это невозможно, или в дополнение к оному, возможны следующие действия. Необходимо «даровать народу некоторые вольности, возможность приносить жалобы и изливать недовольство (лишь бы это было без излишней наглости и угроз)» [4, с. 384]. «Для прекращения слухов часто лучше всего пренебречь ими, а усердные попытки пресечь их лишь продлят им веку» [4, с. 381]. (Так как «из того, что подобные слухи являются предвестиями смуты, не следует еще, что чрезмерно суровое их подавление поможет избежать смуты») [4, с. 381]. «Поистине, мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды, и ведет дело таким образом, чтобы любое зло смягчено было надеждой; а это не так уж трудно, ибо как отдельные лица, так и целые партии весьма склонны тешить себя надеждами или хотя бы заявлять о них вслух, если сами уже им не верят» [4, с. 385].

Особое значение для правительства имеет «забота о том, чтобы у недовольных не оказалось подходящего вожака, который бы мог их объединить» [4, с. 385]. «Говоря о подходящем предводителе, я разумею такого, – пишет Бэкон, – который обладает и именем, и значением, пользуется доверием недовольных, привлекает к себе их взоры и сам имеет причины быть в числе недовольных. Такого надлежит либо привлечь на сторону правительства, причем незамедлительно и надежно, либо противопоставить ему другого, принадлежащего к той же партии, чтобы ослабить таким образом его популярность. Вообще, разделение и раскалывание всех враждебных государству союзов и партий, посредством стравливания их между собой и создания меж ними недоверия, можно считать неплохим средством, ибо плохо дело, когда сторонники правительства предаются раздорам и разъединены, а противники его сплочены и едины» [4, с. 385].

В качестве последнего средства Бэкон предлагает военную составляющую: «И наконец, пусть государи на всякий случай имеют при себе одного, а еще лучше нескольких лиц, известных своей воинской доблестью, для подавления мятежей в самом начале» [4, с. 386]. Но при этом Бэкон предостерегает: «Необходимо, однако, чтобы эти военачальники были людьми надежными и почтенными, а не любителями расколов и искателями популярности, и чтобы они были в ладах с другими важными особами в государстве, иначе лекарство это может оказаться опаснее самой болезни» [4, с. 386].

Особое внимания бунту уделял другой английский философ XVII века – младший современник Бэкона – Томас Гоббс. Разберем его положения в трактате «De Cive» (глава XII) за 1642 год.

Сказать о причинах, по которым государство разрушается, означает для Гоббса остановиться на причинах мятежей. «В государстве, граждане которого устраивают мятежи, – утверждал Гоббс, – имеются налицо и должны быть отмечены три начала: во-первых, учения и склонности, противные миру, предрасполагающие людей к мятежу; во-вторых, те склонности, которые уже предрасположенных склоняют, призывают и направляют к отделению и к оружию; в-третьих, способ, которым все это происходит, или само восстание» [7, с. 158].

Больше всего волнению людских умов способствует, по мнению английского философа, «бедность или недостаток того, что необходимо для поддержания достойной жизни» [7, с. 166]. Другую опасность представляют люди, которые обладают большим досугом и амбициями, «кто очень мало отвлекается заботами» и «хочет почестей» [7, с. 166]. «Так как, однако, не все люди таковы, какими они кажутся себе, и даже если бы они все были такими, всех их, благодаря их многочисленности, нельзя было бы приставить к общественным должностям, то приходится многих обходить, – поясняет Гоббс. Эти люди, следовательно, считая, что им нанесено оскорбление, не могут желать ничего большего, как, затаив зависть и надежду возвыситься, дожидаться, чтобы общественные замыслы привели к несчастным последствиям. Поэтому неудивительно, что они жадно ищут поводов к переворотам» [7, с. 167].

Успех бунта, уверен Гоббс, зависит от надежды на победу. «Для существования этой надежды нужны четыре условия: число, орудия, взаимное доверие и вожди» [7, с. 167]. Далее Гоббс раскрывает эти условия: «Сопротивляться публичным властям, будучи в небольшом числе, – не восстание, а безумие. Под орудиями я понимаю оружие и провиант, без которых число ничего не значит, точно так же, как и оружие без взаимного доверия, или все это – без какого-нибудь вождя, которому хотят повиноваться не как обязавшиеся подчиниться его власти (так как мы предположили в этой самой главе, что люди этого рода не умеют обязываться ни к чему, кроме того, что им самим покажется правильным и благим), но добровольно, в силу признания его доблести и военной мудрости или сходства стремлений» [7, с. 167].

«Если у людей, настроенных враждебно и измеряющих правомерность своих действий собственным судом, будут соблюдены эти четыре условия, для возникновения восстания и смятения в государстве не нужно больше ничего, кроме кого-нибудь, кто бы их подстрекал и

возбуждал» [7, с. 168].

Бэкон называл причиной бунта людей «религиозные новшества, налоги, изменения законов и обычаев, нарушения привилегий, всеобщее угнетение, возвышение людей недостойных или чужеземцев, недород, распущенные после похода солдаты, безрассудные притязания какой-либо из партий, – словом, все, что, возбуждая недовольство, сплачивает и объединяет народ на общее дело» [4, с. 383]. Не следует, с точки зрения Бэкона, преувеличивать роль угнетения в рождении мятежей, так как «когда угнетение действительно велико, оно не только истощает терпение народа, но и подавляет его волю» [4, с. 383]. Главным двигателем бунта является чувство страха, поэтому «то недовольство опаснее всего, в котором страх сильнее прочих чувств» [4, с. 383].

Томас Гоббс и далее развивает эти идеи: действия людей определяются их волей, а воля – надеждой и страхом. «Так что, – рассуждает Гоббс, – если им (людям – Э.Ш.) представляется, что нарушение законов принесет им большее благо или меньшее зло, чем их соблюдение, они охотно их нарушают» [6, с. 327]. Гоббс признает, что «бедность или недостаток того, что необходимо для поддержания достойной жизни», «больше всего способствует волнению людских умов», однако здесь следует учитывать особенности человеческого мышления: «Все неимущие обычно переносят вину с собственного нерадения и расточительности на управление государством, как будто бы они были доведены до разорения государственными поборами» [7, с. 166].

Эти идеи английских социальных философов нашли отклик и на континенте, в частности они прослеживаются в некоторых идеях французского философа Блеза Паскаля (1623–1662). «Опасно говорить народу, – настаивал Паскаль, – что законы несправедливы – он повинуетя им лишь до тех пор, пока верит в их справедливость. Стало быть, ему надо непрестанно внушать, что закону следует повиноваться, потому что он – закон, а власти предержажшей – потому, что она власть, независимо от того, справедливы они или нет. Если народ это усвоит, опасность бунта будет предотвращена; это и есть, собственно говоря, определение справедливости» [12, с. 346–347].

Таким образом, мы наблюдаем, что основы политической теории социального протеста были заложены еще Аристотелем, но в дальнейшем интерес к этому вопросу пропал более чем на полторы тысячи лет. И только бурная политическая и социальная история Европы конца Средневековья и начала Нового времени снова обратила повышенное внимание исследователей к проблеме социального протеста. Первый проблеск такого интереса проявил в начале XVI в. итальянец Н. Макиавелли, а во второй половине XVI–XVII вв. исследованию проблем радикальных форм социального протеста, его причин, последствий, механизмов и его связи с политикой государства уделили особое внимание Ф. Бэкон и Т. Гоббс.

Н. Макиавелли, Ф. Бэкон и Т. Гоббс продолжили «наработки» Аристотеля и, фактически, создали основы политической теории социального протеста. Все дальнейшие исследования этой проблематики, вплоть до сегодняшнего дня, в той или иной степени повторяют идеи «отцов-основателей» и развивают намеченные ими направления поиска.

Список литературы:

1. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 369–450.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
3. Барг М.А. Историзм Фрэнсиса Бэкона // Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII / общ. ред. М.А. Барга. М.: Наука, 1990. С. 200–249.
4. Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 347–486.

5. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.: Наука, 1964. 482 с.
6. Гоббс Т. Основ философии. Ч. 3: О гражданине // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 270–506.
7. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.
8. Лебон Г. Психология толп // Лебон Г., Тард Г. Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН, КСП+, 1998. С. 15–254.
9. Макьявелли Н. Государь. М.: АСТ, 2012. 461 с.
10. Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал.. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
11. Паскаль Б. Мысли: пер. с фр. М.: REFL-book, 1994. 528 с.
12. Bireley R. The Counter Reformation Prince: anti-Machiavellianism or Catholic statecraft in early modern Europe. University of North Carolina Press, 1990. 309 p.